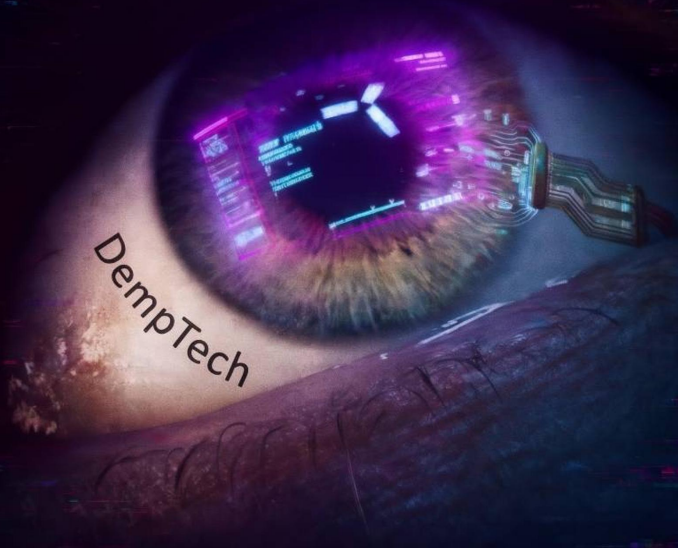
Реквием по падшим Богам

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

AKIMXREE
Renelwerfer

18+

Антон Головёнкин
Роман Матерн

Реквием по падшим богам

https://litres.ru/74790734
SelfPub; 2026

Аннотация

«В мире абсолютного квантового совершенства человеческая ошибка — единственный признак жизни».

Два города, разделенные высотой и пропастью лицемерия. Наверху — сияющий золотом Порт-77, где совет директоров корпораций DempTech и Nijama торгует жизнями, как биржевыми индексами. Внизу — задыхающийся в вечном кислотном дожде сектор Турга Порта-39, где списанные люди борются за глоток неочищенного воздуха.

Содержание

Акима 4
Глава 1. Дно стальной трубы 6
Глава 2. Наследие тридцать второго калибра 9
Глава 3. Проценты за выбитые челюсти 12
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Роман Матерн, Антон Головёнкин
Реквием по падшим богам

Акима

САНИТАРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ РЕГЛАМЕНТ HAZRATSTUDIO // НИЖНИЙ ДРЕНАЖНЫЙ КОНТУР

Гриф: ДЛЯ ВНУТРЕННЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ // СЛУЖБА УТИЛИЗАЦИИ ПОРТА-39

Тема: Сверхнормативный сброс реагентов в коллекторы сектора Тургa (подуровни 6–7)

«Настоящим фиксируется: в рамках плановой очистки промышленных отстойников произведён принудительный слив экспериментальной партии биорастворителей в общую водозаборную сеть нижнего яруса. Побочная токсичность испарений на магистралях технологического пара признана находящейся в пределах допустимой погрешности для неквалифицированного населения.

Напоминаем дежурным сменам: продувка труб горячим паром (200 °C) осуществляется каждые сорок минут без предварительного звукового оповещения. Неучтённые биоединицы без чипов регистрации, обнаруженные в техниче-

ских нишах теплопровода, подлежат автоматическому списанию как биологический засор.

Примечание финансового отдела: расходы на амортизацию запорных вентилей и промывку труб скомпенсированы за счёт урезания суточной нормы синтетической белковой массы для жителей сектора Тургa на 18% в текущем квартале.»

Глава 1. Дно стальной трубы

В секторе Турга дети не учились читать по книгам. Здесь читали по маркировкам на свинцовых трубах, по штрихкодам на просроченных пайках синтетической белковой массы и по трафаретам службы утилизации HazratStudio: «Сброс отходов — каждые сорок минут. Нахождение биоединиц в коллекторе карается списанием».

Акима с ранних лет был крупнее других. Нескладный, тяжелый, с широкой костью и вечно сбитыми кулаками, он был бельмом на глазу для мелкой шпаны, сбивавшейся в стаи в канализационных лабиринтах нижнего яруса Порта-39. Малолетние уличные шакалы ненавидели тех, кто выделялся. Его травили за молчаливость, за то, что он не колол дешевые стимуляторы, и за то, что делил крохи пайка с тощим белесым пацаном по имени Винсент.

Они сошлись на свалке кабельного лома, когда обоим едва исполнилось по десять лет. Винсент тогда ковырялся в разорванной распределительной коробке, пытаясь вытащить уцелевший медный дроссель для своего первого самодельного радиоприемника, а четверо подростков с цепями прижали его к бетонной опоре.

Акима не раздумывал. Он молча шагнул вперед и ударил вожака куском арматуры по коленной чашечке. Кость хрустнула. Второму он сломал нос локтем, а двое оставшихся с

визгом растворились в токсичном тумане коллектора.

С того дня они стали неразлучны.

Они жили в технической нише под магистральным теплопроводом седьмого подуровня. Зимой, когда кислотные дожди сменялись ледяной серой кашей, трубы остывали, и бетон промерзал до костей. Винсент по ночам не спал: он сидел на ящике из-под аккумуляторов, сгорбившись над разобранными платами, согревая замерзшие пальцы над фитилем спиртовки и паяя старые микросхемы. На шее у тощего Винсента уже тогда висели разбитые мониторные наушники, сквозь которые он ловил обрывки пиратских радиопередач и шелест пустого эфира.

— Ты рехнулся на своем шуме, призрак, — бурчал Акима, ворочаясь на куче ветоши.

— Это не шум, Акима, — тихо отвечал Винсент, поправляя тонкий паяльник. — Это пульс. Машины думают ровно, а человек сбивается. Пока в звуке есть сбой — город еще не сдох.

Акима лишь сплевывал в угол и натягивал на тощие плечи друга половину своего драного армейского одеяла.

Свои глубокие, рваные шрамы на левой стороне лица Акима получил в тринадцать лет.

В секторе начался мор — корпорация HazratStudio сбросила в дренаж партию непроверенных биорастворителей, и вода в водозаборных колонках стала ядовитой. За каждую канистру чистой дождевой воды шла война насмерть. Банда

старших подростков с шестого распределителя подкараулила Акиму в тупике вентиляционной шахты. Шестеро на одного. Они требовали отдать фильтр и пищевой чип.

Акима дрался как зверь. Он сломал троим ребра, но его сбили с ног железными трубами.

Вожак банды, оскалив гнилые зубы, наступил ему на запястье и прижал лицо тринадцатилетнего пацана щекой к раскаленной магистрали аварийного сброса технологического пара. Металл трубы был нагрет до двухсот градусов.

Кожа шипела, плавясь до надкостницы. Пар выжигал мясо, въедаясь в скулу и сползая к шее. Акима не закричал. Он лишь хрипел, сдирая ногти о бетон и глядя в глаза мучителю с такой ледяной, первобытной ненавистью, что у того задрожали руки.

Когда подростки бросили его умирать в луже мазута, Винсент приволок Акиму в нишу на спине. Две недели он смывал сукровицу техническим спиртом и кормил товарища жидкой кашей через трубочку.

Шрамы затянулись толстыми, багровыми келоидными рубцами, навсегда перекосив левый угол рта Акимы в тяжелую, безжалостную усмешку. В тот день мальчик внутри него умер. Остался человек из гранита и железа, который больше никогда и ничего не боялся.

Глава 2. Наследие тридцать второго калибра

Единственным человеком, которого Акима уважал в своей жизни, был его отец — старый Батыр.

Батыр не имел боевых имплантов и не умел воровать. Он был старшим машинистом на насосной станции седьмого водозабора HazratStudio — сорок лет крутил чугунные задвижки, вдыхал пары аммиака и получал за это три сотни синтетических кредитов в месяц, половину из которых корпорация вычитала за «аренду защитного комбинезона».

У Батыра был инструмент. Огромный, полуметровый разводной ключ из тяжелой легированной стали марки «Хром-Ванадий 32», произведенный еще до корпоративных войн. Этим ключом Батыр мог сорвать прикипевшую сорокакилограммовую гайку на магистрали высокого давления за один рывок.

— Запомни, сынок, — говорил отец, протирая масляной тряпкой вороненый металл рукояти. — В этом городе тебя обманут все: корпораты, бандиты, бабы, электронные чипы. Единственное, что никогда не врет, — это честная механика. Если резьба цела — узел держит. Если сорвана — всё летит к чертям. Держись за инструмент, Акима. Металл помнит руку.

Отца убили, когда Акиме было шестнадцать.

В третьем перекачивающем резервуаре лопнула магистраль охлаждения хладагента — дешевые пластиковые трубки, закупленные эффективными менеджерами HazratStudio взамен титановых, не выдержали гидроудара. Ядовитый газ хлор-азот хлынул в рабочие отсеки, где трудилась ремонтная бригада из двенадцати человек.

В этот момент на станцию прибыл отряд корпоративной охраны. Но они пришли не спасать рабочих.

Офицер службы безопасности, взглянув на датчики, приказал наглухо заварить входные гермолюки снаружи автогеном, чтобы ядовитое облако не поднялось по вентиляционным шахтам в жилые сектора верхних клерков. Двенадцать машинистов оказались заперты в стальной ловушке с поднимающимся уровнем едкого газа.

Сквозь бронестекло смотрового окна Акима видел отца.

Батыр не метался и не колотил в заваренную дверь. Задыхаясь, харкая кровью сквозь разъеденный фильтр респиратора, он поднял свой ключ на тридцать два, накинул челюсти на сорванный шток аварийного сброса и навалился всем весом, срывая стопорные болты.

Отец провернул вентиль на три оборота, стравив давление газа в подземные дренажные отстойники. Это спасло сотни людей в соседних жилых блоках. Но сам Батыр упал на решетчатый настил и больше не поднялся — его легкие растворились в кислоте.

Когда через сутки люки вскрыли дезактиваторы, корпорация списала трагедию на «грубое нарушение техники безопасности персоналом» и конфисковала жалованье погибших в счет возмещения ущерба за утерянный газ.

Ночью шестнадцатилетний Акима вскрыл монтировкой опечатанный цех.

Он нашел тело отца среди луж сконденсировавшейся отравы. Батыр лежал на боку, а его окоченевшие пальцы всё еще сжимали рукоять ключа на тридцать два.

Акима с трудом разжал мертвую хватку отца. Металл ключа был покрыт запекшейся черной кровью. Парень не проронил ни слезинки. Он вытер рукоять о свой рукав, сунул тяжелый инструмент за пояс комбинезона и вышел в вечную морось Порта-39.

С того дня ключ на тридцать два больше никогда не покидал его руку.

Глава 3. Проценты за выбитые челюсти

В двадцать лет Акима весил сто пятнадцать килограммов сухих мышц и жил в нижнем ярусе сектора Турга.

В этом мире было мало честной работы для человека с лицом, похожим на растрескавшийся гранитный булыжник, и тяжелым взглядом из-под нависших надбровных дуг. Честные работяги здесь дохли от силикоза к тридцати годам.

Акима пошел в вышибалы.

Его нанял старый ростовщик Хаким — жирный, наполовину киборгизированный меняла, державший подпольную кредитную контору в подвале под лапшичной. Хаким давал кредиты уличным торговцам, спившимся техникам и проигравшимся игрокам под грабительские тридцать процентов в неделю. А когда должники забывали о сроках — на пороге их каморок появлялся Акима.

Он не носил огнестрельного оружия. В его правой руке всегда покачивался массивный отцовский ключ на тридцать два, обмотанный синей изолентой у основания для лучшего хвата.

Акима заходил в комнату, ставил тяжелый ботинок на край стола и молча клал ключ перед носом должника.

— Срок истек вчера, — ронял он низким, вибрирующим

басом. — Хаким ждет четыреста кредитов. Плюс мои сто за амортизацию подошв.

Обычно этого хватало. Вид его изуродованного шрамами лица и полуметрового куска легированной стали освежал память быстрее любых угроз. Но иногда попадались самоуверенные типы с дешевым китайским хромом.

Однажды в баре «Ржавый поршень» местный наркодилер по кличке Скальпель, вжививший себе подкожные титановые кастеты и нейроускоритель первого поколения, решил, что может послать ростовщика к черту. За угловым столиком в полумраке сидел пронырливый содержатель жилых сот Джонни — постукивая титановым носком ботинка по полу, он пересчитывал кредитные чипы, содранные с очередного бесправного квартиранта, и с ухмылкой поглядывал на назревающую драку.

— Слышь, громила, — осклабился Скальпель, выкидывая вперед левую руку со скоростью гидроцилиндра. — Твой ключ устарел лет на сто.

Акима даже не моргнул. Он не стал уворачиваться. Принял удар титанового кастета на широкое плечо — кость выдержала, лишь отозвавшись глухим ударом. А в следующее мгновение ключ на тридцать два описал короткую, сокрушительную дугу снизу вверх.

Хруст челюсти Скальпеля прозвучал на весь бар, как перелом сухого бревна. Выбитые зубы и обломки имплантов брызнули на стойку вместе с кровью. Дилер рухнул на коле-

ни, мыча от болевого шока.

Акима нагнулся, вытащил из кармана поверженного бойца пачку пластиковых чипов, отсчитал ровно пятьсот кредитов, а остальное небрежно бросил на стойку перепуганному бармену:

— Это за разбитую табуретку.

На стене бара в этот момент мерцал дешевый голографический экран. Помехи рябили, сквозь треск динамиков лился рекламный ролик: на сверкающей неоновой сцене впервые дебютировала новая виртуальная поп-икона HazratStudio — сияющая Katty Woke. Ее цифровое лицо с мерцающими радужками пело о «чистой любви в ритме прогресса».

Акима бросил взгляд на экран, сплюнул на пол и хмыкнул:

— Пластиковая дрянь. Через полгода никто и не вспомнит.

Он вышел на залитую кислотным дождем улицу.

На перекрестке магистрали стояло оцепление. Тяжелые бронетранспортеры транзитного спецконвоя DempTech, прибывшего из Порта-77 за партией редкоземельного концентрата, блокировали проход к грузовым терминалам — местные докеры устроили забастовку, перекрыв подъезд к рампе и требуя чистых пайков. Во главе охраны спецконвоя шагал двухметровый киборг в матово-черной композитной броне с багровым визором — Хьюго Шнайдер, откоманди-

рованный верхушкой DempTech для обеспечения бесперебойных поставок.

Акима стоял в толпе зевак, сжимая в кармане рукоять ключа. Он видел, как Шнайдер вскинул тяжелый плазмомет и без единого предупреждения дал залп по безоружной толпе рабочих. Запах паленого человеческого мяса долетел до перекрестка за секунду.

Акима стиснул зубы так, что затрещала эмаль. Это был тот же почерк. Та же корпоративная скотобойня, что убила его отца.

«Наступит день, — подумал он тогда, глядя в спину уходящему киборгу. — Наступит день, и мы проверим, сколько весит твой хром против нормальной стали».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.